

ПРОЛОГ

Вы не замечали, как уходят туманы глубокой осенью при восходе солнца? Летние туманы восходящее солнце съедает мигом, не то что осенью. Туманы уходят клочками, отрываясь друг от друга, и кажется, это даже не туманы, а потоки дыма. Когда я это первый раз заметила, стала искать, что это горит на открытом лугу под горой, не нашла и поняла, что так отрывочно, по одному уходят к реке туманы.

И теперь, когда пронзительно начинает болеть сердце о невозвратном или о загубленной природе, я успокаиваю себя мыслью, что не все преходящее, что не все можно искорректировать, чтобы извлечь выгоду: вечен луг под горой, речка Винокурка, Затон и Бендирь, Лука и Толмач — места, неповторимые в своей красоте и первозданности.

И еще вечная память о людях, до нас прошедших по земле, может, это их души проносятся осенними туманами над нами, просят о сострадании и прощении, просят нашего покаяния за забвение о них.

Часть 1

КОНЬКОВЫ

«— Кожа плохо пошла! — говорит Корнила Егорович.

— От чего ж так?

— Сырьем повезли. У иностранца, я вам доложу, руки золотые — не нашим чета. Наш брат русак сметкой взял, а немец — терпением. Вот на дворе партия кожи лежит, развешивайте — на воз: тут подрез, тут гниль мясная, а тут все дыры... Вот за границу наша кожа и нейдет, а сырье иностранцы готовы с руками рвать. Из русского сырья они такую тебе кожу сработают, что нашей-то в нос кинется. Вот отчего, государь, стала наша кожа...» (Мельников-Печерский. «Красильниковы»).

Не знаю, шла ли кожа с завода Коньковых за границу, но что одевала и обувала она не только волость, но и всю округу — это точно. Кожевенные заводы в Сибири конца XIX — начала XX века — интереснейшая страница купеческой деятельности. И мало изучена. И вот какие мысли меня волнуют, мучают уже четыре года, а точнее, с 21 февраля 1996 года, с того дня, когда я занялась историей кожевенных заводов Коньковых.

Первая: какая такая угроза исходила от кожевенников Коньковых, если даже Павел Иванович Дудиков, купец 1-й гильдии, оставался дольше, и если бы не запачкал свою репутацию кровью убитых в 1918 году красноармейцев, не остался ли он до 1930 годов в Такмыке, до сплошного раскулачивания, как, например, Резин Филипп Осипович в Евгацино и другие купцы в уезде?

Вторая: Коньковых стерли с лица Такмыка в одиночестве, хотя, повторяю, репутация у них была безупречная.

Не помню, шли белые или красные, и хозяин приказал 15-летней горничной Наденьке Шабалиной: «Надя, беги домой». Все два километра она бежала до Такмыка, плакала: от страха, от жалости, что теряет хорошее место, от сострадания.

И еще непонятно мне то, что загубили перспективное дело в самом расцвете на корню. И десяти лет ведь не про-

шло, как Ермолай Артамонович Коньков построил завод. Коньковых выгнали. Поставили советских управляющих, в 1930-х годах закрыли бесповоротно хоть и захиревший, но все еще работающий завод. Оборудование растащили, разбросали так же, как в 1970-х мельницу, не удосужились даже сохранить старую технологию выделки кожи, и болтались они, эти кожи, потом на заборах крестьян, как памятник развитому социализму, а сибиряки ходили в кирзовых сапогах, ботах «прощай, молодость» и другом ширпотребе! В своих заметках я ни на что не претендую. Я просто хочу сохранить память о достойных людях Такмыка, и история Коньковых — первая из этой серии.

Дом

Вот дом, вот сад.
Вот человек на лавке.

Евгений Винокуров

Дом стоял, встроенный в пространство простора и света, в синее небо, казавшееся в этом месте всегда безоблачным по причине высоты яра, на котором он стоял, да еще потому, что не был окружен высокими деревьями, а только кустарниками и садом.

Дом казался в те времена дворцом (в два добротных этажа) из выдержанного красного леса, окнами на луг, в озеро, в котором отражались зеленый камыш и желтые талины Толмача, на излучину реки, делающей в этом месте самый крутой вираж на всем ее протяжении. Потому и названо это изящное место, затянутое петлей Иртыша как корсетом, Лукой.

Дом казался высоким еще оттого, что крестовый двухэтажный стоял на яру в двух километрах от Такмыка в сторону Тары, в одиночестве.

Одиночество придавало дому вид независимый и гордый, как человеку, привыкшему надеяться только на себя и самых близких.

Был еще добротный одноэтажный дом Виктора Герасимовича Жаковича, управляющего кожевенными заводами,

дворянина и присяжного заседателя с 18 декабря 1909 года, дом основательный, но низменный, одноэтажный, длинный, поскольку комнаты, по воспоминаниям старожилов, шли рядами. Был домик Грязнова Степана Ивановича, мастера.

Далее шли подсобные помещения: кухня, домики, где жили сезонные и постоянные рабочие, склады для хранения соли, извести, дуба (коры для окраски и отделки кож), дуботолки, в которых толкли дуб, амбары для муки и провизии рабочим, погреба, надворные постройки. Но они лишь приземленностью своей оттеняли величие и воздушность (умели строить раньше!) жилых покоев Коньковых, одних из самых влиятельных владельцев кожевенных заводов в округе в начале века.

Дом был окрашен синей краской и сливался с синевой летнего неба. На том месте, где стоял дом, ничего не сохранилось.

Дом стоял недалеко от дороги, по которой утром крестьяне ехали на пашню, и вот в Такмыке еще жив человек (В. И. Мелехин, 93 года), который помнит, как Артемий Ермолаевич Коньков, глава большого рода и владелец заводов, стоял неизменно всегда у дома, у тесовых ворот и, заслоняясь от восходящего солнца большой ладонью, шутил и здоровался, как бы благословляя людей на труд, прежде чем приняться за свое дело.

Дело

Артемий Ермолаевич Коньков с сыновьями Иваном, Михаилом, Тимофеем и Ананием оставили заметный след в предпринимательской деятельности Такмыка.

Размах дела на кожевенном заводе, открытом в 1903 году, был огромным. Кожи свозили со всей округи, рабочих в сезон доходило до 100. За стол в обед садилось 38–40 человек, по два застолья. Это только рабочих, не считая горничных, кухарок, мойщиц шерсти, скотников, доярок, различной прислуги.

Рабочих кормили, одевали, вовремя с ними рассчитывались. Нанимали их со всей волости, занимался этим Миша, самый мягкий, сердечный, добрый из Коньковых. Мотался

по Заиртышью, окрестным деревням, приезжал и говорил: «Мамаша, лучше обращайтесь с рабочими, а то я нанимать больше не буду». Была, видно, для тех слов причина.

А в рабочих нужда была огромная не только для кожевенного завода, но и для маслодельного, которым Артемий владел с 1898 года, с производительностью 9000 пудов масла в год. Мастером-маслоделом был Тимофей, сын Артема. Он же имел пимокатный цех, для которого тоже нужны были рабочие и которых нанимал тот же неутомимый Миша, запомнился он больше всех и вошел в такмыкскую историю как боевой, общительный, обходительный, к тому же гармонист замечательный. Был он что-то вроде современного менеджера в большой деловой семье.

Дом

Конечно, не барская усадьба, не дворянское гнездо, как в средней полосе России, но дом был по-настоящему купеческий, богатый, горделивый. Внутреннее убранство дома, по-современному интерьер, описываю со слов горничной Нади Шабалиной (Н. В. Брагиной), прожившей 95 лет.

Может, несколько приблизительно, но с точки зрения этнографии, считаю, просто необходимо. Может, что и забыла Надежда Васильевна за давностью (80 лет прошло), но не исключены большие модные зеркала, бархатные занавеси, фарфоровые безделушки, фикусы в кадках, деревянные диваны (канapé), кровати с подушками, чуть не до потолка. Обрása по углам, перед ними лампы, расписанные плафоны на потолке и музыка! Музыка была, не могло не быть, чтобы в таком красавце-доме не было музыки! Музыка была, клавесин или граммофон. Скорее всего, граммофон. Это помнит Лиза Конькова (Е. Т. Капустина), дочь Тимофея, внучка Конькова.

Сад

Елизавете Тимофеевне сейчас 97 лет, она живет в Большеречье. Имеет ясный ум и твердую память. И с ее слов доподлинно известно: вокруг дома был разбит изумительной красоты сад, сирени было насажено столько, что по весне

все вокруг от ее цветения было синим. Черемуху и садить не надо было, ее в этих местах гибель, так же, как крушины, ежевики, клубники, боярки, красной смородины. Насажено было в саду смородины, малины, крыжовника — тьма! Как только вся эта благодать поспевала, Екатерина Степановна, бабушка, посылала за внучкой Лизой в Такмык, ягоды собирать. Добрых полгектара занимал этот сад.

Собирая в этих местах малину лет 20, всегда удивлялась, что вроде и дикая она, а по сортам будто есть такая, что садовой крупнее.

Теперь знаю, кого должны благодарить жители Такмыка за эту малиновую россыпь. Это как свет далекой звезды: звезда угасла, а свет идет годы и годы, так и малиновая благодать, рассыпанная щедрой рукой Коньковых, как бы напоминает людям: мы были, мы жили, мы ушли...

Сад у дома Коньковых был естественным продолжением уникальной природы у Толмача (так называется это место). Мне почему-то всегда казалось, что небо здесь выше, земля теплее, вода внизу в озерах, сохранившихся чудом, когда по всему лугу много озер просто высохло и умерло, — прозрачнее и холоднее. Может, потому что у подножия особенно высокого увала, в самой дреме, я обнаружила однажды несколько родников, живущих глубинной жизнью и питающих озера.

Сохранилась здесь дикая природа лучше, я думаю, по причине отдаленности от центральной усадьбы совхоза, от новостройки, где так много «хозяев», охочих до дармовых жердей и дров.

Я сама видела на улице Лесной вырезанную семью берез, на месте которой рачительные хозяева сложили сено, дрова.

Отдаленность — не главная причина сохранности Толмача. Защищенный высотой увалов, чащобой из тала, боярки, черемухи, колючей ежевики — летом, весной — талой водой, подходящей к самому подножью увалов, зимой занесенный глубоким снегом — место это просто недостижимое для коней и машин, а пеший его не вытопчет.

Когда урожай малины обилен, ее можно брать везде, начиная от семафора до первого буерака со стороны Такмыка. Малина спускается то в овраги, то в старую силосную яму (так и говорят: пойдём на яму), переселяется то в лес, то

в заброшенное картофельное поле, ее то много в одном месте, то тьма-тьмушая на следующий год в другом.

Она как будто убежала из большого ухоженного сада и торопится облагодетельствовать как можно больше людей, высматривая среди июльского полуденного зноя девочку Лизу...

Дело

Человек, начинающий свое дело, в первую очередь выбирает место и учитывает каждую мелочь. Место, выбранное Артемием под завод, было идеальным. Немаловажно, что на лугу было озеро для мытья шерсти. Совсем в недавние годы рыбаки в озере вылавливали корзины, в которых бабы мыли шерсть, — вытащенные из воды корзины немедленно рассыпались на солнце.

Через все озеро у Коньковых были мостки в виде плотов, ставили на них корзины, огромные, с двумя ручками по бокам. И то ли ручки отрывались, то ли мойщицы шерсти, баловницы (среди которых много молодых девок было), озорничали, но корзин на дне озера после каждой мойки оставалось много. Я не утомлю тебя, читатель, если опишу технологию выделки кож на заводе Коньковых?

Любопытно это очень.

Как выделывали кожи на кожевенном заводе в Такмыке

Набирают кож 150 — и в отмойку, в чан, помещение. В отлом — неделю, потом — в известь, постепенно меняют концентрацию, сначала пожиже, неделю полежит — погуще, все гуще и гуще. Потом женщины ее в корзины — шерсть рабочие собьют, и под гору, в озеро. Шерсть моют прямо в корзинках, потом сушат на полянке. Стога шерсти намывали. Без шерсти кожи — снова в известь, вытаскивают, затем стряхнут, и на станок. На станках — железо, обстругают — опять в известь. После этого на Иртыше сутки вымачивают, связывают пучками — и в воду. С Иртыша — в кисель на сутки.

Кисель делали из муки ржаной, овсяной. Сутки от чана рабочие не отходят: как только подниматься кожи начинают — снова погружают специально изготовленными для этого шестами. Из киселей — в колоды долбленные с водой, топчут ногами, потом — в соку, тогда — в отдельный дуб. Дуб прибавляют и прибавляют, половина — свежего, половина — старого.

Через неделю достают из чанов. Называется — ломать чан, свежего дуба наливают, свое время лежит. Мастер клочок кожи отрезает; есть сыр — снова в чан.

По готовности вытаскивают, на сушилки вешают, повисят, отекут, красить начинают. После окраски дегтем мажут. Отминать начинают, для этого инструмента много надо: тяжки, лощилки, доски катальные, резки, частки, откатывалки, на которых оттягивали и откатывали кожи.

Получить хорошую кожу непросто. Надо, чтобы она в деле год была. Готовая кожа скрипит, в сапогах, сшитых из этой кожи, неделю в воде стой — не промокнут. Потому что все по порядку шло, схалтурить в малости нельзя было — на то мастера были.

Все в дело шло: телятина — на хром, свинье, козьи, коровьи — каждая по своему назначению. Шлеи вязали, сыромять — хомуты обтянуть, узду сшить. Из стружки варили клей столярный, щеки — пимы подшивать, лоб потолще — продавали: 5 коп. штука. Покупали сапожники, вырезали стельки, передки, голенища.

Вся волость обувалась и одевалась с коньковского кожевенного завода. Потому и сапожники первыми на селе людьми были, например, такой мастер, как Иван Варфоломеевич Юрчаков.

Такие кожи сейчас не сделают, не умеют. Сейчас химия, а тогда — известь, дуб, деготь, хлеб, кисель.

О выделке кож мне рассказал Алексей Филимонович Курин, и у него я простодушно спросила:

— Отчего закрыли завод, уже при советской власти?

И он ответил, нисколько не задумываясь:

— С кустарничеством боролись...

Ярмарка

Расправлялись с ремесленничеством, судя по размаху, затеянному с закрытием кожевенного завода в Такмыке, лихо, по-кавалерийски. С наскоком. «Потрудиться» пришлось на славу: в Тобольской губернии к началу века насчитывалось 206 кожевенных заводов, столько же салотопен, сапожных мастерских, пимокатных цехов, маслодельных заводов.

В Такмыке уже в 1883 году было два кожевенных завода и два салотопных. Производительность достигала до 6000 рублей дохода в год! Цифра для того времени внушительная. А надо было еще «бороться» с бондарями, кузнецами, шорниками, сапожниками, скобяных дел мастерами. На Митревской ярмарке, например, скобяные изделия имели особую ценность.

Дмитриевская ежегодная ярмарка (в народе — Митревская) навсегда поставила Такмык на первое место по зажиточности, предприимчивости, оборотистости его жителей. Какое значение имел Такмык среди окрестных деревень, говорит тот факт, что в Тарском округе в 1862 году имелось всего три ярмарки и четыре торжка, а уезд был громадным. И одна из ярмарок и торжок (проходящий по субботам) были в нашем селе.

Митревская ярмарка проходила с 26 по 29 октября, на ярмарку, кроме красного и других фабричных товаров, свозились разные произведенные крестьянские промыслы, а также в большом количестве коровье масло, холст, сало и кожи. Надо бы еще упомянуть о лошадях, рыбе, сукне, овчинах, сластях. И как же не быть Коньковым первыми людьми на годовой ярмарке!

Вот братья: Артемий Ермолаевич, заводчик, и Федор Ермолаевич, хотя и крестьянин, — присяжный заседатель с 1910 года в городской думе Тары. Вот сыновья Артемия: Ананий, прасол, скупал по весне скот, на богатейших прибрежных лугах выгуливал его, а по осени продавал на ярмарке.

Второго сына Коньковых, Тимофея, тоже из десятка не выкинешь, у него и цех пимокатный, и мастером он был

у отца на маслодельном заводе. И семья у него больше всех из братьев: первая жена умерла, две дочери остались, женился на молодой. А какую свадьбу Тимофей гулял, какую свадьбу!

Несколько троек лошадей и кошевка, где он с невестой катался, устлана сплошь коврами! Один ковер упал, и не оглянулся даже Тимофей, полетел навстречу своему счастью...

9 детей появилось на свет один за другим. И, казалось, не будет конца делу, работе, удаче, любви и счастью. Вот Миша, гармонист и весельчак, уж он-то всегда — душа ярмарки. Вот Иван, этот пошел и вовсе по стопам отца, он уже взял надел и имеет собственное кожевенное дело. А еще он женат на дочери самого Дудикова, купца I гильдии, имевшего репутацию как торгового человека безупречную, не доставить крестьянину ко времени товару не смел, иначе терял бы надежного покупателя. А покупали такмыкские жители на ярмарке много, одевались хорошо.

Довольно щеголевато выглядели крестьяне. Что уж тут говорить о Коньковых. Да еще в ярмарочные дни! Суконные сюртуки и пальто, жилеты, воротнички, манишки.

Ярмарка проходила уже ближе к зиме, и потому на всех мужчинах Коньковых крытые сукном шубы, на волчьем, мерлушечьем, собачьем или хотя бы на бараньем меху, но уже непременно опушенные серой мерлушкой. На женщинах — модные для местной аристократии сак-пальто и гарибальди.

...Митревская ярмарка в самом разгаре, и оставим пока на ней Коньковых в их счастливой поре, в силе и расцвете их удачливого дела.

Исход

Разве я плачу о тех, кто умер?
Я плачу о тех, кому долго жить...

Максимилиан Волошин

Утро вставало, и туман полосой тянулся над озером. Большой дом просыпался, не знал, что ему тут недолго стоять, сначала одному, без хозяев, сокрытому кустами сада,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru